

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

<Из газеты> «Сан-Франциско Калифорниан»

Непреходящее значение Толстого, по моему мнению, заключается не в его социальных и моральных теориях, а в его романах. В них больше, чем где бы то ни было, проявляется его величайшая гуманность и стремление ко всеобщему счастью. Однако мне хотелось бы напомнить всему миру и в особенности России, что именно теперь, перед лицом огромных и сложных задач, стоящих перед человечеством, уже недостаточно одной любви. Дело в том, что жизнь динамична: в ней существует материальная сторона и сторона эмоциональная, духовная; поэтому проблемы, в ней возникающие, столь же часто относятся к сфере практики, как и к сфере эмоций и духа. В этой связи экономика, вернее — знание экономических законов, как и знания в области химии, физики, социологии и биологии, — гораздо важнее религиозных и нравственных размышлений и увещаний. Ибо если человек хочет избавиться от нищеты и смерти, его жизнь должна протекать гладко, а залог этого — знания плюс доброта (одной доброты мало). Во всех своих романах Толстой ярко показал страдания, выпавшие на долю блуждающего в потемках человечества. Но его теории отнюдь не являются панацеей от всех бед. И я бы теперь посоветовал русским чаще обращаться за помощью и советом к своим экономистам и биологам, чем к моралистам и религиозным деятелям.

<Из книги> «Заря»

Читая вслух трактат «Так что же нам делать?»¹ мы (вместе со Сатклиффом) обсуждали аргументы Толстого, несколько сомневаясь в том, насколько они практически применимы, если рассматривать человеческую природу, как она есть, и то обстоя-

тельство, что теория Дарвина о выживании наиболее приспособленных глубоко вошла в сознание людей. <...> В этой небольшой книжке Толстой проповедовал возвращение к простому, безыскусному труду, имеющему целью лишь добыть средство — пропитание, равно как и отказ от всякого насилия, даже в ответ на насилие: то была древняя доктрина непротивления. Сатклифф, однако, считал, что в большинстве своем люди жадны, эгоистичны, алчны, завистливы. Как же побудить их принять точку зрения Толстого, как заставить их желать того, чего они по своей природе желать не могут, — поистине нелегкая загадка из области химии и биологии, загадку, как вы догадываетесь, ни я, ни он разрешить не могли.

Я снова усиленно занялся чтением... Дороже всех мне был тогда Толстой-художник, автор «Крейцеровой сонаты» и «Смерти Ивана Ильича». Помнится, именно Сатклифф обратил мое внимание на эти произведения не как материал для социолога, а как на художественные творения, которые не только дают правдивое изображение действительности, но и обладают большой силой воздействия. Я был так потрясен и восхищен жизненностью картин, которые мне в них открылись, что меня вдруг озарила неожиданная мысль, как чудесно было бы стать писателем. Если бы только можно было писать, как Толстой, заставляя весь мир прислушиваться к таким словам! Насколько я помню, мне тогда еще не приходило в голову заняться сочинительством. Не было еще подходящего материала или же он был еще недостаточно продуман, но желание писать, воздействовать на человеческие умы уже зрело во мне и пробивалось наружу <...>.

<Из письма> В. Смирнову от 5 августа 1932 г.

<...> Читая «Преступление и наказание», «Братьев Карамазовых» и «Идиота», я прихожу к выводу, что наблюдение жизни не вело Достоевского к каким-либо застывшим политическим, социальным и религиозным выводам. Мне представляется, что он всегда беспристрастно и без какой-либо предвзятости рисует важнейшие особенности человеческого характера и те совершенно ненормальные социальные условия, в которых мы вынуждены существовать. Столь велик его талант, столь несравнимо изображение им причуд нравов людских, что для меня невозможно порицать его за какие-либо недостатки. <...>